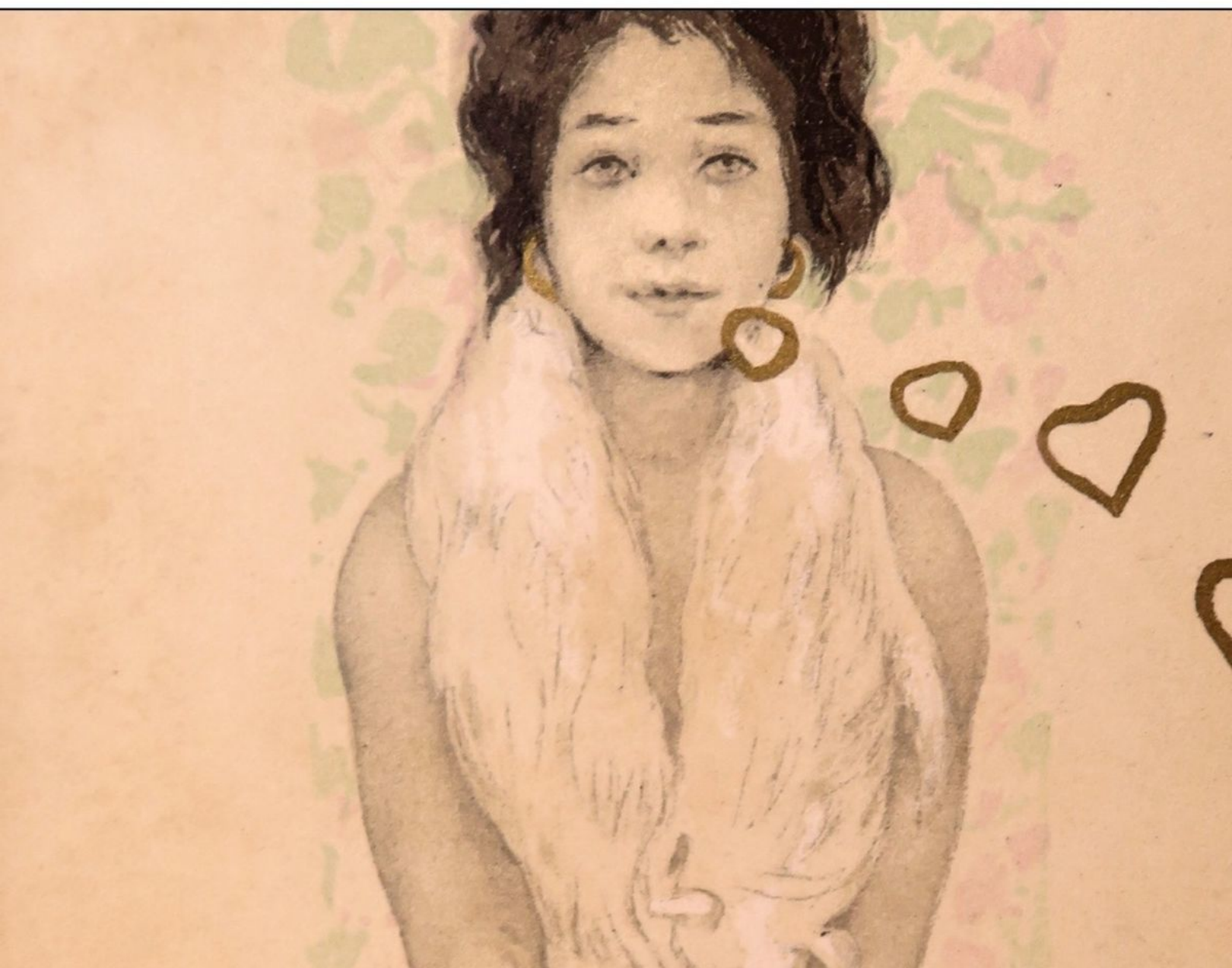

Игорь Кабаретье

Курляндские ветреницы

Игорь Кабаретъе

Курляндские ветреницы

«Издательские решения»

Кабаретье И.

Курляндские ветреницы / И. Кабаретье — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857462-7

Если Вам посчастливилось в девичестве обрести в своём окружении друзей, которые с пониманием относятся к Вашим проблемам и даже разделяют ваши взгляды, то душевные травмы не будут преследовать вас всю оставшуюся жизнь. Перед вами история девушки из Курляндии 18 века, которая после тяжелейших физических и нравственных испытаний обрела любовь и гармонию.

ISBN 978-5-44-857462-7

© Кабаретье И.
© Издательские решения

Содержание

Глава I,	6
Глава II. Любовная страсть Лили и Кати	9
Глава III. Игрушки Кати	15
Глава IV. Кража персиков	19
Глава V. Случайный конфликт Кати с любовником её матери меняет нашу судьбу	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Курляндские ветреницы

Игорь Кабаретъе

© Игорь Кабаретъе, 2019

ISBN 978-5-4485-7462-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I, в которой моя тётя Анна рассказывает в том, что проявила себя ласковой родственницей в день моего рождения

Разрешите представиться, меня зовут Лили, и вчера была годовщина моего рождения. Моя тётя, которая, обыкновенно, не проявляет в отношении меня излишков нежности, вдруг неожиданно явила чудеса небывалой любезности. Чтобы отметить мои шестнадцать лет, она подарила мне утром новое платье, из муслина¹ с красивой отделкой, расшитое узорами в виде маленьких букетов лилий, а затем, на обед, наша кухарка Илзе приготовила один из тех пирогов со сливами, которые я столь люблю. Наконец, под вечер, тётушка, прежде чем уложить меня спать, вручила мне маленькую коробочку, перевязанную лентой. Я так неистово желала увидеть то, что было в этом нежданном даре, что мои пальцы не стали медлить, дабы развязать шёлковые ленточки, и я схватила ножницы, желая их немедленно разрезать, но тётя Анна, заботливая даже в мелочах, не дала мне это сделать и сама, развязав ленту, протянула мне открытую коробочку.

Я сразу заметила зарытый в кружева миниатюрный золотой крестик с цепочкой. Буквально обезумев от радости, я побежала на кухню показать теперь уже мой крестик Илзе, которая испустила такой же крик восхищения, как и я чуть ранее.

– Итак, – сказала тётя Анна, – а меня вы разве не поблагодарите?

– Конечно, моя тётя... моя добрая тётя.

Я бросилась на её шею и обняла так, как до этого обнимала только мою бедную маму. И тут же меня охватило сожаление за столь явное проявление чувств, хотя, что хоть немного может оправдать меня, так это то, что вызвано оно было неожиданным, совершенно не свойственным тётушке, необыкновенно нежным её обращением со мной, явлением, невиданным мной до сих пор. Моя покойная мама мне также делала не менее прекрасные подарки, и получала я их от неё гораздо чаще, но при этом она мне никогда не отвечивала пощёчин, в отличие от моей тётушки, нередко занимавшейся этим видом рукоприкладства. Между тем, моя любезная родственница усадила меня подле себя и стала держать длинную речь: «Моё дорогое дитя, – сказала она мне, – вам уже шестнадцать лет, и вы, следовательно, не являетесь больше маленькой девочкой. Пора вам избавляться от ваших недостатков и серьёзно отнестись к вашей жизни. У меня до настоящего времени не было повода жаловаться на вас, на ваше поведение, которое всё-таки, между тем, нельзя назвать образцовым, и вы это прекрасно знаете сами. Я должна была бы вас наказывать гораздо чаще, чем мне хотелось бы. Могу ли я рассчитывать на то, что отныне не буду нуждаться в том, чтобы делать это? Этот крест, который я вам подарила, должен восприниматься вами, как поощрение за то прилежание, которое я у вас заметила в последний месяц, что мы провели в провинции, и за которое я вас вознаграждаю сегодня. Пусть он вам напоминает о вашем возрасте и об обязанностях, которые отныне он на вас накладывает.»

Тётушка поцеловала меня в лоб и отослала спать. Я чрезвычайно гордилась этим подарком, сделанным только что, и одновременно была столь счастлива, что не решалась одеть

¹ Муслин (франц. mousseline, итал. mussolina, от Mussolo – итальянского названия г. Мосул в Ираке), хлопчатобумажная или шёлковая ткань полотняного переплетения, вырабатывается из [миткаля](#), который подвергают белению и так называемой мягкой отделке (т. е. с минимальным содержанием аппрета в ткани). Употребляется главным образом для пошива белья. Шёлковый муслин – тонкая прозрачная ткань, вырабатываемая из однониточного натурального шёлка повышенной крутки; применяется для изготовления платьев, театральных костюмов и др.

на себя цепочку и поместить этот крестик на грудь. Я чувствовала, что после того, как совершу этот торжественный акт, я уже не буду прежней, моё чувство собственного достоинства достигнет новой ступени, небывалой доселе высоты. Я торжественно поднялась в мою комнату вместе с Илзе, которая помогла мне раздеться. Но как только я одела этот замечательный крест, сняв мой чепчик, юбки и распустив волосы, то тут же принялась прыгать по моей комнате, затем, в один момент, я бросилась ничком поперёк постели, и приподняв подол моей рубашки, позвала Илзе, которая в соседней комнате занималась тем, что раскладывала по полкам одежду.

– Илзе! Илзе! – Кричала я ей, – иди сюда, посмотри то, что ты не видела никогда, – и я подняла кверху свои ягодички, выставив их на её обозрение.

Илзе расхохоталась, и желая наказать меня за моё непристойное поведение, хотела ударить по попе, но я, как молния, юркнула под одеяло. Спасшись таким образом от её ладони, я схватила Илзе за руку и увлекла на постель, умоляя рассказать какую-нибудь историю. Илзе знает тысячу разных, и она не стесняется говорить обо всём, что что ей известно. Она стала моей хорошей подругой, и частенько мне служила источником знаний. Илзе мне рассказывала о моём папе, которого я никогда не знала, и о красивой даме, которая пришла однажды в наш дом, чтобы увидеть его, и которую моя мама вытолкала вон за дверь, что привело папу в бешенство, когда он узнал об этом.

– Значит мама иногда была и зла? – спросила я, – А ведь мне она запомнилась только необычайно добрым отношением ко мне... она меня никогда не ругала!

– Нет, – ответила Илзе, – ваша мама не была злой, ведь именно та красивая дама, что явилась в ваш дом, была плохой женщиной, которая вредила вашему отцу.

– И что, папа не замечал, что она нехорошая, – воскликнула я. – И как он мог не верить маме?

Казалось, что этот простой вопрос привёл Илзе в замешательство, и она мне ничего не ответила. Тогда я заставила её приблизиться ко мне и сказала ей на ухо:

– Я видела сегодня одного мужчину, который мочился стоя и не снимая свои брюки. Ты не знаешь, как они устроены, эти мужчины, раз для того, чтобы помочиться, им не приходится садиться на корточки, как нам. Он, как мне кажется, должен был испортить всю свою одежду, изливаясь таким образом. Илзе, послушай, должно быть в мире много таких безобразных и неряшливых людей, не правда ли? Или таких, как жена Пьера-каменщика? У неё такой огромный живот... а ведь его не было ещё в прошлом году, и он её настолько стесняет, что она теперь с трудом передвигается, нет, переваливается, как утка.

Илзе при этих моих словах взорвалась таким раскатом непосредственного смеха, который должен был разбудить весь дом, и моя тётя не замедлила тут же появиться на пороге спальни со свечой в руке.

– О! И что это означает? Одиннадцать часов ночи, а вы ещё не спите. Не желают ли барышни лечь спать? Илзе, и вы, Лилия, кто из вас желает заявить, что это именно он ещё хотел бы поболтать в столь поздний час? Давайте посмотрим, пожалуйста, кто из вас решится сказать мне такое прямо в лицо!

И так как я не шевелилась, она вlepила мне сильную и звонкую пощёчину.

– Я прекрасно вижу, – добавила тётюшка, – что именно этот крестик мне не следовало вам давать этим вечером, более подошёл бы кнут, чтобы научить вас послушанию.

После чего она задула свечу и ушла. Илзе тоже убежала. Столь внезапные перемены настроения моей тётки, удары и угрозы, сменяющие вознаграждения... всё это меня потрясло до глубины души, и я разрыдалась.

Я провела ночь, плача в подушку, и когда под утро стала забываться в тревожном сне, тётя заявила в мою комнату.

– Вставай, лентяйка, – воскликнула она, – Госпожа Кетлер мне написала, что она собирается прийти к нам сегодня вместе со своей дочерью, вашей подругой, Кати, так что поторопитесь одеться.

Я наспех привела себя в порядок, быстро взгромоздив на себя своё новое красивое платье из розового муслина. Надежда увидеть мою подругу придала мне силы и проворность, и я едва сдерживала своё нетерпение, пока Илзе меня причёсывала. Потом я всё утро ходила туда сюда от моей комнаты к ограде сада. Наконец, устав ожидать госпожу Кетлер с её дочерью, моей подругой, я принялась, чтобы развлечься, делать записи в моем дневнике, которые вы сейчас, может быть, читаете.

Глава II. Любовная страсть Лили и Кати

Какие прекрасные моменты жизни я пережила вместе с моей подругой Кати Кетлер! Я даже не знаю, с какого места начинать мой рассказ, настолько я ещё расстроена воспоминаниями о том, что мы вместе испытали, и между тем, я получила такое наслаждение вчера, что я не могу удержаться от того, чтобы не рассказать об этом в своём дневнике самой себе, чтобы ещё раз насладиться случившимся в этот день, и это будет таким способом снова доставить себе удовольствие благодаря своему воображению.

Как только я услышала шум колёс экипажа о мостовую проспекта и цоканье копыт лошадей, то сразу же спешно стала спускаться вниз, чтобы выйти навстречу моей подруге, и вдруг, запутавшись второпях в подоле платья, я упала на лестнице, набив себе шишку на лице и разорвав моё новое красивое платье. Я была настолько испугана и опечалена этим падением, которое мне, возможно, будет стоить, из-за моего испорченного платья, строгого внушения тётушки, и вероятно, даже порки, что когда мадам Кетлер, Кати и моя тётя вошли в вестибюль, я осталась стоять неподвижно, чрезвычайно стесняясь своего вида, не представляя, как мне держаться перед ними, и какой любезности или остротки опасаться.

– Итак Лилия, что с вами случилось? – сходу начала меня пытаться тётушка Анна.

Илзе, которая проходила в этот момент мимо, спасла меня, вытащив, буквально за воротник, из этого затруднительного положения.

– Мадемуазель была столь тороплива, стремясь увидеть мадам Кетлер и свою подругу, что чуть не сломала себе руки, ноги и голову. К счастью, всё закончилось лишь разорванным платьем.

– Бедное дитя! – Воскликнула мадам Кетлер, – сколько ей пришлось испытать.

И когда, казалось, весь мир ополчился на меня, и я не ожидала от него ничего, кроме очередной пощёчины руками моей тётки, я была настолько поражена и взволнована этими ласковыми словами, безмерной добротой нашей гостью, что у меня на глаза навернулись слёзы. Все полагали, что я плакала от боли, которую причинила себе при падении, и тётушка даже стала поднимать подол моего платья, чтобы рассмотреть колени. Все увидели, что они были содраны, и Кати, видя кровоточащую рану на моей ноге, не смогла сдержать крик.

– Ничего страшного, – сказала тётя Анна, – я приложу только немного арники² на рану.

Мне сделали перевязку с мазью из этой травы, причинившей моему телу больше боли, чем моё падение, и тётя сказала, что мне нужно полежать в моей комнате. Кати захотела сопроводить меня, и мы вместе поднялись ко мне.

Кати стала очень красивой девушкой, хотя в прошлом году при нашей последней встрече я её оставила худой и бледной девчонкой. Сегодня же я нашла Кати пухленькой, свежей и розовощёкой девицей. Её глаза были более живыми и хитрыми чем когда-либо, а рот, с сильными и пухлыми губками, был постоянно приоткрыт и обнаруживал очень красивые белоснежные зубы, самые прекрасные, из виденных мной до сих пор. У неё была красивая причёска и элегантный наряд, который заставил меня устыдиться моего внешнего вида. Даже моё новое платье, если бы я смогла его сохранить в целости и сохранности, казалось очень бедным по сравнению с её шёлковым нарядом с розовыми строчками в линиях и цветными узорами кружев. Ворот платья Кати соприкасался со шляпой, увенчанной великолепными черными перьями... и мне от унижения моей бедностью захотелось сорвать со своей груди мой золотой крестик, когда я бросила свой взгляд на кольца, которые украшали её пальцы. Считаю Кати прекрасно

² Арника, или Баранец – род многолетних трав семейства Астровые. При наружном применении оказывает кровоостанавливающее, противовоспалительное, ранозаживляющее и анальгезирующее действие, способствует рассасыванию кровоизлияний.

одетой по сравнению с собой, я испытала досаду и горечь в груди, которую слишком явно выказала поначалу Кати, отвечая на все её разлюбезные и радостные вопросы односложными словами, но как только я начала раздеваться, Кати поспешила мне услужить, расшнуровывая корсет на моём платье. Когда я вышла, как из чехла, из моего платья и подъюбников, свалившихся пухлой горкой на ковре, Кати воскликнула:

– О! Какая у тебя красивая кожа, и здесь, за городом, она, кажется, имеет экстраординарный цвет и шелковистость!

Я была сконфужена таким интимным комплиментом, и не знала, как отвечать на такую любезность, но моя досада на подругу начинала улечиваться.

Внезапно, когда я собирался одеть новое платье, я почувствовал, что кто-то обнял меня за ноги и стал целовать низ живота. Взглянув, я увидела, что это Кати встала на колени передо мной и стала обнимать и ласкать меня таким образом. Я стала краснее солнца, моё сердце было готово выскочить из груди:

– Остановись, – воскликнула я, – остановись... что будет, если зайдёт моя тётя! Ты же знаешь, что это неприемлемо... обнимать и целовать такие места.

– Какой вздор, – рассмеялась Кати, поцеловав меня в последний раз прямо в мои курчавые завитки между ног, и позволив снова упасть вниз моей рубашке, которую она перед этим задрала вверх, медленно поднялась с колен.

В этот момент зазвонил колокольчик, возвещающий о времени обеда. Я наспех закончила мой туалет, и мы с подругой спустились вниз, не разговаривая между собой. На столе мы сидели рядом друг с другом, и при каждой перемене блюда Кати прижимала свою ногу к моей или нежно брала меня за руку. Я говорю – после каждого блюда, так как Кати очень любила поесть и наслаждалась пищей, да к тому же усердно запивала съеденное вином. Тетушка Анна была достаточно шокирована увиденным, и тем, что мачеха Кати не преподаёт ей уроки трезвости. Кати же в столовой комнате была не более стеснительна, чем в моей спальне. Она пила большие бокалы неразбавленного вина, ела чрезвычайно много, и когда она пила и ела, то одновременно ласкала свой живот, издавая вздохи удовлетворения, как бы говорящие: «Какое наслаждение!» Её мачеха выглядела абсолютно безразличной к поведению своей падчерицы, и даже наоборот, казалась, хвалила её, поскольку довольствовалась лишь тем, что что хохотала, увидев, как Кати, опьянев, стала бросать за столом туманные реплики о том, что у неё есть одна необыкновенная тайна.

Буквально отяжелев после обильного обеда и изрядного количества вина, да и от стоявшей духоты из-за жаркого дня и оживлённого и непринуждённого разговора, мы почувствовали некоторую усталость, поэтому были счастливы, когда встали из-за стола и вышли на свежий воздух в сад.

В то время, как тётя Анна гуляла с мадам Кетлер по дорожке во дворе, я заставила Кати выйти в сад, чтобы лишний раз не попадаться на глаза моей надзирательнице, и когда мы шли по тенистой аллее, Кати вдруг бросилась на мою шею и стала целовать меня в рот, в то время как её рука блуждала между моих ног. Я растерялась и посмотрела на Кати со страхом, как если бы она была настоящим чёртом, но этот бесёнок был столь красив, со своими белоснежными зубами и блестящими глазами, что разум мой помутился и я вдруг, в свою очередь, обняла её, схватив за руку, которую она прислонила к моему телу. Затем мы зашли в беседку, и Кати мне нежно приказала:

– Закрой глаза и открой рот!

Я ей повиновалась, словно маленькая собачка, и сделала то, о чём она меня просила. Я почувствовала, как она просунула свой язык мне в рот, словно поместила в него прелестную шоколадную конфету. Я, улыбаясь, открыла глаза и увидела, что у неё в руках действительно было несколько конфеток, которые она за обедом взяла прямо из коробки. Я одновременно была удивлена и поражена её отвагой.

– А если бы тебя увидели? – спросила я Кати.

– И что! – ответила она, – что бы они мне сделали...?

Между тем, она положила другую шоколадную конфету себе в рот, после чего, высунув её на языке, вложила в мои открытые губы и рот.

– Садись, – воскликнула она, и затем, и взяв меня за руку, вынудила присесть на скамейку в беседке напротив неё, и тут же положила свою руку между моих ног и, к моему большому смущению, она, проникнув в самый низ моего живота, стала ласкать края моей промежности со словами: «Пока мои пальчики заняты таким приятным делом, оближи хорошенько и со вкусом этот орешек в шоколаде, почувствуй его вкус, представь, что ты вкушаешь не конфетку, а мой язычок... мои губки в своём ротике.»

Я снова безмолвно повиновалась ей, а затем положила конфетку в свой рот и передала её на своём язычке назад в губы Кати. Она съела драже с такими глазами, которых я не видела никогда прежде. Казалось, что моя подруга попала прямиком в рай. Затем она впилась в мой рот, нежно обняв своими руками, и прошептала:

– Моя дорогая, как я тебя люблю!

Я её, в свою очередь, целовала, чтобы отблагодарить за ласку, но не испытывая при этом того удовольствия, которое, казалось, ощущала Кати. Она была удивлена, что я не вложила в этот поцелуй столько же жара, сколько она сама, и на мгновение замолчала, что меня испугало. Вдруг Кати медленно произнесла:

– Моя дорогая, когда ты вечером лежишь в своей постели, тебя не посещают никакие желания...?

Кати замолчала, а я, чрезвычайно удивлённая этими словами, воскликнула:

– Какие желания, о чём?

И когда её губы приоткрылись, чтобы ответить мне, я вдруг услышала голос моей тётки, звавшей меня, и не ожидая ответа Кати, побежала к тётушке, а она последовала за мной.

Тетя Анна нам сообщила, что мы поедем в дворец Грюнхов, что был в двух верстах от нашего дома, и в котором мадам Кетлер раньше не бывала. Она нам приказала быстро подготовиться к визиту, потому что карета, которая должна была нас отвезти, уже стояла у ограды сада.

– Какой прекрасный шанс попасть во дворец Грюнхов, – сказала я Кати. – Ты не можешь себе вообразить, на сколь интересно посетить этот замок. Кажется, что его главная башня была построена ещё во времена самого Готхарда, первого герцога Курляндии и Семигалии, да и окрестности вокруг замка чрезвычайно красивы.

Но Кати, казалось, не уделяла никакого внимания моим словам и историческим познаниям, которыми я так гордилась, хотя её глаза не отрывались от моего лица.

Мадам Кетлер и моя тётка первыми поднялись в карету вместе с врачом и местным судьёй, которые взяли нас сопровождать. Так как карета была довольна тесна для такого количества пассажиров, тётушка мне велела, чтобы я посадила Кати, которая была меньше меня, себе на колени. Поэтому я оказалась в карете между двумя господами и с Кати на себе.

Моя подруга оказалась довольно тяжела, но я не жаловалась на этот мой груз, напротив, меня развлекало такая гимнастическая композиция, ведь я получила возможность чувствовать крупные упругие ягодички Кати на моих коленях и, без сомнения, она также испытывала удовольствие, сидя на мне, так как время от времени она отклонялась то в одну, то в другую сторону и показывала мне свой улыбающийся рот и большие, блестящие от радости глаза. Карету иногда подбрасывало на ухабах, и в один из таких моментов судья, сидевший слева от меня, ловко просунул свою руку мне прямо под ягодичку. От неожиданности и наглости этого субъекта я была уже готова испустить истошный крик, но не знаю почему, сдержалась и промолчала.

После приблизительно трёх четвертей часа, мы прибыли в гостиницу, где оставили карету, и затем все вместе направились пешком к замку, который был совсем рядом. Мадам

Кетлер была удивлена красивыми деревьями, окружавшими руины крепостных стен и постоянно восхищалась увиденными развалинами. Моя тётя, прекрасно знавшая эти места, служила нам проводником и гидом. Когда наша компания вступила на главную аллею, ведущую к замку, Кати меня задержала на входе, и поймав мгновение, когда внимание всех было обращено на ворота замка, бросилась в сторону по маленькой тропинке, которая чуть угадывалась под большим каштаном, сделав мне знак следовать за ней. Оказавшись вдвоём уже достаточно далеко от центральной аллеи в глубине каштановой рощи, мне вдруг стало страшно, а глаза Кати, наоборот, сверкали ещё больше и, казалось, готовы были взорваться.

– Садись здесь, на траву под деревом, – приказала она мне, – рядом со мной. Я тебя недавно попросила мне сказать, что ты делаешь вечером в твоей постели в одиночестве... почему ты не хочешь мне ответить на этот простой вопрос?

– Но... я не делаю ничего... вообще... просто засыпаю.

– О! Так и ничего... ты просто не хочешь мне признаться, но на самом деле я знаю, что ты помещаешь свой палец сюда... вот так, как это делаю я, под своё платье и...

– Мой Бог! Что ты делаешь, Кати, я не понимаю, что ты имеешь ввиду.

– Не хочешь ли ты, чтобы мой палец заменил твой?

– Но я тебя уверяю, что никогда ничего подобного не делала.

– Не нужно лгать!

– Хорошо... да! Прежде... когда мама ещё была жива, я иногда там себя трогала и ласкала, но мне сказали, что это очень плохо... меня даже выпороли, и я больше никогда этого не делала.

– Какая ты боязливая, малышка! Здесь, по крайней мере, никто не сможет нас увидеть, так что у тебя нет оснований бояться. Я вижу, что ты мне улыбаешься и не пытаешься спорить, так что давай, начнём! Я была уверена, что ты любишь делать это...

Кати подняла мои юбки и рубашку, и стала пощипывать своими пальчиками мой бутончик между ног, время от времени страстно целуя меня своими пухлыми губами в губы. Я была очень испугана, всё время опасаясь неожиданного появления тётушки и... кроме того, стоны моей подруги, перемежаемые глубокими вздохами, её немного безумные взгляды, должна об этом вам честно сказать, меня приводили в ужас, мне казалось, что Кати находится во власти адских страданий, сам сатана вселился в её тело, и я её уже считала проклятой, посланцем ада, но, однако, в тоже самое время, она была столь красива, а её ласки настоль приятны, что я полностью отдалась во власть накатывавшего на меня наслаждения. Скоро, не прекращая ласкать между ног мой бутончик, она другой рукой приоткрыла мои ягодички, нашла между ними мою маленькую дырочку и медленно ввела туда свой палец. Внезапно я не смогла больше сдерживать накатившуюся на меня волну наслаждения и, упав на траву, лишилась чувств. Когда я очнулась, то стала подниматься, смущённая, боясь, что перепачкала платье и разрушила свою причёску, и тут Кати мне сказала:

– О! Да ты эгоистка! Развлекаешься одна, и забываешь о своих подругах. А ведь ты могла бы и другим доставить такое же наслаждение, которое только что испытала сама.

С этими словами Кати задрала свою юбку и сняв с себя свои белоснежные штанишки, направила мою руку себе между ног, но я была настоль неловка, что причинила ей боль, и она жестом приказала мне прекратить мои усилия, отчего я испытала раскаяние и стыд, но она не закончила на этом наши развлечения, а лишь сделала мимолётную паузу, только для того, чтобы тут же их снова возобновить. Кати села ближе ко мне, лицом к лицу, широко раздвинув свои ноги. И затем, продвинувшись всем телом вплотную ко мне, скрестила свои бедра с моими так, что наши гrotchки оказались прижаты друг к другу, и стала тереть свой низ живота о мой. И мы обе, одновременно, ощутили волны удовольствия. Неожиданно, она схватила мою руку, и прижав её к своей щёлочке, направила сразу два моих пальчика вглубь неё, одновременно вставив свои в мою, и стала ласково перебирать ими. Прилив нового наслаждения захлестнула

меня, и я вновь лишилась чувств. Когда я очнулась, Кати ласково смотрела на меня, а потом, поднеся к моему лицу свои пальцы, прошептала:

– Почувствуй, как они приятно пахнут!

После чего она сама вдохнула аромат, который они источали, и опять, смеясь, поднесла их к моему лицу.

Между тем, развлечения, которым мы предавались после обильного обеда во второй половине дня, причинили нам некоторое волнение в недрах наших тел, а вернее, обильный обед стал причиной того, что мы обе испытали потребность сесть на корточки и облегчиться. Я стыдилась этой операции, и попыталась, чтобы соответствовать этому деянию, удалиться в сторону от Кати за дерево. Каково же было моё изумление, когда я, думая о том, как скрыться от её взглядов, увидела подругу рядом со мной, когда она усаживалась на корточки и с улыбкой рассматривала меня, исторгая при этом груз из своего живота с криками булочника, который месит хлеб, отпуская одновременно комментарии по поводу издаваемого при этом шума и запаха. Затем она неторопливо поднялась, сорвала с дерева листья и пучки травы и, стоя, очистила перегородки своих ягодичек, не опасаясь показывать мне свою наготу и экскременты, которые её испачкали. Наконец, она опустила вниз свои юбки и, взяв меня за руку, принялась прыгать от переполнявших её радостных чувств.

Мы уже достаточно надолго задержались вдвоём с Кати, солнце за это время стало падать за горизонт, и стволы деревьев омрачились длинными тенями.

– Мой Бог! Представляю, что скажут моя тётя и мадам Кетлер. И как мы их найдём?

– Какая же ты трусиха! – Ответила мне Кати, – Когда ты наберёшься хоть какой-нибудь уверенности в себе?

Кати была права и, вернув себе утраченное хладнокровие, мы уже через несколько минут обнаружили аллею, ведущую во дворец Грюнхов, где заметили тётю Анну и её гостей.

– Где вы были? – Спросила нас мадам Кетлер.

– Ах! – воскликнула Кати, – мы совершили большую прогулку по окрестностям.

– Маленькие лгуны, – промолвила в ответ моя тётя, – мне придётся вас наказать за испачканные в результате вашей так называемой прогулки платья.

Меня стразу же стало трясти от озноба при мысли о наказании, которым мне угрожали, но мадам Кетлер неожиданно встала на мою защиту:

– О! Оставьте Лили в покое, чем ещё должны заниматься дети за городом? Они должны развлекаться, это нормально.

Моя тётя не стала ей перечить, и все поднялись в карету. Кати и я были немного утомлены нашими играми, и мы дремали в течение всей дороги обратно. Когда мы вернулись, то наспех поужинали, а после ужина мадам Кетлер вместе со своей дочерью уехали. Какую сцену прощания мы устроили с Кати у дверей дома! Наши родители были удивлены её нежностью, но не догадались о причине.

– Непременно напиши мне, и возвращайся быстрее! – произносила я ласковые слова на ушко Кати.

Кати, в ответ, не скупилась на обещания, и поцеловав меня в последний раз, ушла со своей матерью.

Впоследствии я частенько вспоминала, и с сожалением, должна это признать, об этом прекрасном дне, и о моменте, когда у Кати возникла эта прекрасная идея пренебречь замком Грюнхов и провести время в роще у дерева, где мы так весело и прекрасно развлеклись, и я ощутила первое настоящее наслаждение в жизни.

Сообщу вам по секрету, что сегодня, после обеда, я пошла в отхожее место, где развлеклась так же, как меня давеча научила Кати. Я продолжу это занятие этим вечером в моей постели, когда задую свечу и буду вспоминать в это время, представлять рядом с собой краси-

вое тело Кати. Если моя тётя меня увидит в это время, тем хуже! Впрочем, она ничего не замечает.

Илзе пришла в тот момент самый момент, когда я делала записи в моём дневнике. Я быстро поднесла к её носу свою руку и заставила понюхать мой палец, и Илзе не сумела увернуться и избежать этой участи.

– Дело в том в том, – сказала я ей, – что я его только что вытащила из моего задика.

Это была абсолютная правда. Чтобы меня наказать за моё непристойное нахальство, Илзе меня ударила по моей попке, а я, в свою очередь, её по её упругому задiku, и так мы со смехом развлекались некоторое время звонкими шлепками, пока не услышали шаги тётушки Анны. Мы тут же стали серьёзными и прекратили наши игры, и я стала изображать усердное чтение историй святых, а Илзе принялась делать вид, что занимается уборкой комнаты.

Глава III. Игрушки Кати

В последующие дни я имела обыкновение развлекаться за городом с одной пейзажкой, которая была моей соседкой по посёлку. Мы играли в игру под названием «Домашняя учительница», то есть я изображала школьную учительницу, а она мою ученицу. Итак, у меня был полный набор средств для экзекуции, доступный школьной преподавательнице, и не мне следует вам рассказывать, что в школе ученик частенько вынужден становиться на колени и получать кнутом и розгами по задней части тела, но я производила эту операцию во время наших игр в саду поверх юбки, не задирая её, так как вполне резонно опасалась, что если я подниму юбку во время нашей игры, внезапно появившаяся в саду тётушка и заставшая нас за этим занятием, вполне могла действительно задрать наши юбки и взгреть нас без всякой жалости. И однажды так и случилось. Только не моя тётя, а мать Паулы (так звали мою маленькую пейзажку) пришла в сад, где мы собирались сыграть в нашу игру, и набросилась на мою подружку, стала трепать её за волосы и уши, ударяла по щёкам, повторяя при этом:

– Ах! Гадкая врунья, ты получишь то, чего ты так желаешь, судя по всему, я тебе это обещаю. Я видела, что ты делала только что, и только моя глупость не позволила мне догадаться об этом раньше, но теперь я всё поняла, глядя на твои мерзкие развлечения, и ты будешь примерно и нешуточно наказана. Поверь мне, я тебя заставлю поплясать.

И мамаша Паулы, к моему большому удивлению, взяла мою подружку под свои руки и, вопреки бешеному сопротивлению девушки, которая пыталась царапаться и лягаться, задрала её платье, обнажив довольно крупный зад и, схватив ивовые прутья, по странному совпадению столь предусмотрительно оказавшиеся под её рукой, стала исступлённо хлестать мою «ученицу», что со стороны выглядело просто ужасно. Паула испускала дикие крики, присовокупляя к ним отчаянные мольбы о милости и сопровождая их не менее шумным последующим газоиспусканием, очевидно, вследствие ужасного испуга и напряжения тела. Её палач, казалось, не обращала на это никакого внимания, продолжая столь же яростно хлестать свою дочь. Я, поначалу, испытала огромный стыд от наблюдения за видом экзекуции над сладким телом моей подружки, но, постепенно, меня стало развлекать и даже возбуждать это зрелище, мне понравилось смотреть, как Паула отбивалась, я получала удовольствие, наблюдая за гримасами на её лице, на то, как инстинктивно сжимались от ударов её ягодицы и... что я могу вам ещё сказать? Стыдно, но мне нравилось слушать, как громогласно она портила воздух, выпуская из своего тела газы настоящими пушечными залпами.

На следующий день Паула пришла меня навестить, но двигалась она с большим трудом, так как её разбитая накануне задница затрудняла движения её манящего меня тела. Глаза девушки были до сих пор красными от слез, и казалось, что ей очень стыдно после перенесённого в моём присутствии наказания и унижения.

– Паула, – сказала я ей, практически не смотря в её лицо, – давай опять развлечёмся сегодня и снова сыграем в нашу любимую игру – школьную учительницу.

Я не могла ей сделать более неприятного предложения, и Паула категорически от него отказалась. Видя это, я ей предложила, чтобы вместо того, чтобы играть учительницу, я могла бы сама сыграть ученицу, и что именно она могла бы управлять дисциплиной в наших занятиях вместо того, чтобы быть наказанной за её несоблюдение. На это условие она согласилась, и мы поменялись ролями в нашей игре. Паула воспользовалась этим преимуществом в полной мере и от души отыгралась на мне за те наказания и трёпку, которыми её накануне удостоила мачеха. Получая удары... я не знаю, какая странная радость заполонила меня, когда мои ягодицы ощущали, как их хлещет плётка Паулы. Я настолько возбудилась от этой трёпки, такое блаженство охватило меня, что я попросила Паулу отвести меня вглубь маленькой сосновой рощи, прямо за домом. Паула, которая абсолютно точно вжилась в роль госпожи-упра-

вительницы дома, да и моей судьбы тоже, пребольно схватила меня за ухо и прошептала мне в него те же самые слова, что, очевидно, говорила ей вчера её мать перед тем, как врезать розгами в первый раз:

– О! Мерзкая шлюшка, ты сейчас получишь звонкий шлепок этим прекрасным гибким кнутом по своему грязному заду.

После чего она сразу же заставила меня встать на колени и, несмотря на моё притворное сопротивление, расположила плашмя на животе, подняв мою попку вверх, и задрал мои юбки, она выставила на всеобщее обозрение мои обнажённые ягодички, после чего нанесла по ним внезапный удар ужасной силы, и хотя он пришёлся в то место, где я его и ожидала, ярость с её стороны была для меня неожиданна. Когда она поразила моё тело таким мощным образом, я постаралась расслабить свои мышцы и, чтобы отомстить ей, выпустила в неё струю газа, который она, разумеется, и почувствовала, и услышала. Вначале Паула принялась смеяться, но видя, что я, как старый боевой конь, продолжаю музицировать при помощи моего зада, она буквально взбесилась и стала непрерывно хлестать мои ягодички, в то время как я сопровождала каждый её новый удар новым взрывом моей задницы. В конце концов, при одном уж слишком сильном ударе, я внезапно поднялась, и замахнулась на неё рукой. Но Паула посмотрела на меня таким испуганным взглядом, что моя рука замерла. Она вскричала, умоляя меня простить её и наказать аналогичным способом. Она буквально молила меня о такой милости, и я не смогла ей отказать, и поставив её на колени, задрала вверх юбки Паулы, но спектакль, который мне предлагал её бедный зад, вдруг вызвал у меня жалость. Однако возможность наказать его через несколько мгновений все-таки вызвал у меня возбуждение, так что после короткого колебания я не смогла отказаться от нахлынувшего на меня желания отхлестать Паулу, и хотя, поначалу, я нанесла ей всего лишь лёгкие удары, они вызвали у неё непропорционально громкие возбуждённые стоны. Они меня не остановили, и я продолжила порку, заставлявшую увлажняться мою маленькую щёлочку. Наконец Паула сумела ускользнуть от меня, и опустив вниз свои юбки, умчалась со всех ног прочь. Впоследствии она больше не желала со мной играть в эту игру, находя её слишком жестокой, но, к счастью, что она ничего не рассказала своей матери о наших играх... то, чего я опасалась больше всего в этот момент.

В течение нескольких последующих дней я была вынуждена играть в свои игры в одиночестве, и само собой, в школьную учительницу тоже. Я поднималась в чердачную комнату под крышей на третьем этаже, где висело зеркало на стене. Закрыв дверь на ключ, я становилась на колени, поворачиваясь спиной к зеркалу и, наклонив голову к полу, а моя попка при этом оказывалась задранной кверху, и я могла таким образом снизу видеть своё изображение, которое отражало зеркало. Это позволяло мне, задирая свои юбки, одновременно изображать и учительницу и ученицу: мой зад принадлежал провинившейся ученице, а моя рука, наказывающая его, преподавательнице. Я развлекалась так же тем, что наслаждалась видом моих краснеющих под шлепками ягодичек, которыми я их щедро награждала. Кроме того, меня чрезвычайно забавляли гримасы, которые я заставляла произвольно, в момент сильной боли, изображать мою задницу, смотреть, как она разжимается и вновь сжимается под ударами, как улыбается и наливается силой поначалу сморщенная маленькая дырочка-ротик, как он открывается и пускает струю газов в сторону зеркала. В какой-то момент я испытывала очень живое удовольствие от этого действия и лишалась чувств на полу, с пальчиком одной руки, углубившемся в дырочку в моей попке, в то время как другой рукой я ласкала кнопку моей щёлочекки впереди. Я развлекалась таким образом несколько дней подряд до тех пор, пока не встретила мою тётю в то время, когда я выходила из моей любимой комнаты, и не сумела побороть свой страх, который довольно явно изобразился на моём лице, и моё сердце билось столь сильно, что я поклялась себе, что больше не продолжу своих одиночных упражнений перед зеркалом, хотя, несмотря на мой явный испуг, моя тётушка ничего не заподозрила и не наказала меня. Мне повезло в этот раз, но так не могло продолжаться вечно. Правда, когда я навестила Кати,

я не смогла удержаться от искушения и попросила сыграть её со мной в мою любимую игру, в школьную учительницу, что мы и сделали в комнате служанок... не знаю почему, но я меньше боялась быть застигнутой за этим занятием у неё, чем у тёти Анны.

Кати, впрочем, и без меня увлекалась разными грязными, экстравагантными штучками, и ведь всякий вечер, пока мы были в беседке, она демонстративно непрерывно портила воздух.

– Почему ты не составляешь мне компанию? – спросила она.

Я посмотрела на неё, смеясь, но немного удивлённая этой свободой выражения Кати своих чувств.

– Пошли со мной в отхожее место, – продолжила тогда Кати, – я хочу...

Я не стала слушать продолжения и проследовала за ней. Войдя, мы закрыли дверь на ключ, а затем Кати подняла вверх свою юбку и опустила вниз кружевные штанишки, явив моему взгляду довольно таки широкий и чрезвычайно аппетитный задик. После чего она мне дала послушать настоящую концертную музыку, симфонию в исполнении её аппетитной попки-оркестра. Звуки флейты чередовались с длинными и мощными артиллерийскими залпами полкового тромбона, затем следовали живые скрипичные нотки, а голос контрабаса сопровождали не слишком деликатные запахи довольно-таки своеобразных духов. В конце Кати выгнула свой зад вперёд, и я увидела крупную жёлтую колбасу, которая висела у неё между ягодицами. Кати отскочила прочь от дырки отхожего места, и стала вихлять бёдрами со своими экскрементами в зад, как танцовщица на деревенских танцульках, и наконец, она вернулась на место и сев на корточки перед дырой, точнёхонько уронила их туда.

– Теперь своя очередь, – сказала она мне.

Положив мои руки на свои бедра, я хохотала во всю глотку, и смех сотрясал мой живот, благодаря чему я легко выпустила свои газы прямо под нос Кати, которая, встав на колени перед моим задом, при каждом дуновении ветра из моей попки, восклицала:

– Чувствуется запах сыра, или благоухание старой капусты.

И мы смеялись изо всех сил, стараясь превзойти друг друга. Наконец, настала моя очередь взойти на трон и возложить на него мои экскременты. Кати смотрела, как коричневый помет по одному падал в дыру, перемежая мелкие, средние и крупные колбаски. Когда я закончила, Кати сама вытерла мой зад листком бумаги, после чего, с придыханием вымолвив, что эта дурацкая бумага недостаточно хороша для моей попки, вылизала её своим язычком. Я нашла это одновременно и отвратительным и... прелестным действием.

Возбуждённые происходящим, мы собирались возобновить нашу сладострастную игру-компанию – уже в две дырочки, и попытаться попробовать смешать наши газовые выстрелы, чтобы получить новый, особенный аромат, одновременно лаская друг другу наши вдруг поднявшиеся вверх и напрягшиеся маленькие кнопки над раскрасневшимися щёлочками, когда вдруг Илзе, как всегда заботящаяся о нас, пришла к нам и сказала через закрытую дверь, что нас ищут. Мы наспех вытерлись, опустили вниз наши юбки и, приведя себя в порядок, вышли.

По дороге Кати мне тогда рассказала об одном трюке, игре, в которую она уже играла у одной набожной и стыдливой пожилой дамы, к которой она приезжала в замок вместе со своей матерью и была вынуждена там провести несколько дней. Там был маленький кабинет в спальне этой дамы, и дверь в него была всегда закрыта. Кати хотела проверить, действительно ли он служит гардеробной, как её уверяли, или в этом кроется како-то обман. Вечером, когда пожилая дама молилась перед сном, Кати пошла вместе со служанками замка, которые должны были помочь пожилой хозяйке лечь в кровать, в её комнату и, задушив смех, увидела, как они развлекались тем, что выпускали струи газа из своего кишечника, заботясь лишь о том, чтобы они выходили не слишком громко, и было понятно, что они перед этим съели много фасоли и репы за ужином. В конце церемонии, когда служанки уже ушли, Кати, спрятавшаяся в гардеробной, дверь в которую, покрытая большим черным сукном, оказалась на самом деле открытой, бесшумно и стремительно прокралась внутрь комнаты при свете оди-

нокой свечи, которую она сразу же погасила, и лишь только при одном лунном свете, который достаточно хорошо освещал комнату, задрав кверху юбку и согнувшись, она приблизила две свои голые ягодицы к лицу дамы, и выпустила ей в нос последний, но громогласный выстрел, рискуя одновременно послать ей в лицо что-либо иное, более существенное, чем ветер, и затем, как молния, исчезла. Пожилая дама вскочила, пребывая одновременно в состоянии отвращения и ужаса, и принялась просить небо о спасении души, полагая, что это демон приходил к ней, чтобы забрать её в ад. На следующий день, когда Кати хотела возобновить свой фарс, пожилая дама уехала, не осмеливаясь сказать, почему она столь быстро оставила замок. Кати меня уверяла, что она обо всём рассказала своей матери, которая долго смеялась над произошедшим, и лишь слегка поругав её за этот поступок, но, в действительности, ей сильно понравилось, что над этой старой каргой так насмеялись, потому что её вечно дурное настроение постоянно отравляло жизнь всем окружающим ее персонам.

Глава IV. Кража персиков

Когда Илзе внезапно серьёзно заболела, она попросила разрешения уехать к своей семье, чтобы за ней ухаживали её родители. Это решение мне причинило много страданий, ведь я так сильно к ней привязалась за последние годы! Мы вместе плакали, страдая от предстоящей разлуки.

– Я обязательно вернусь, когда почувствую себя лучше, барышня, – сказала мне Илзе на прощание.

Тем временем служанка, которая её заменила, у меня вызывает ужас. Она большая насмешница, которая, кажется, постоянно издевается и подтрунивает надо мной. Она мне уже так надоела своими мелкими подколками, что иногда хочется ей прямо заявить, что или она будет со мной разговаривать откровенно и честно, или я пожалуюсь на неё моей тётке. Но, чем больше я об этом думаю, тем больше сомневаюсь, что тётка Анна... захочет ли она меня слушать? Я уже заметила некоторое время тому назад большие изменения в её отношении ко мне. Без сомнения, тётушка и раньше, по большому счёту, никогда не относилась ко мне хорошо, но если она меня и упрекала до этого, то это всегда происходило относительно спокойно и без угроз, совсем не так, как она стала действовать сейчас. Тётка в последнее время стала иногда мне отвечать, вернее, можно даже сказать, довольно часто, пощёчины, но это было спонтанным действием, и тётка об этом почти всегда сожалела впоследствии, и если и угрожала мне розгами, то никогда не исполняла свою угрозу, что однажды, когда я была очень маленькой, случилось со мной в те времена, когда моя бедная мама ещё была жива, когда она задала мне приличную трёпку. Итак, теперь я вижу и понимаю, что раньше моя жизнь была достаточно легка, и я совершала по ней приятную прогулку. Илзе утверждала, что причиной изменившегося ко мне отношения тёти Анны был аббат Андрис, её новый исповедник. Он приходил несколько дней тому назад в наш дом, и Илзе подслушала состоявшийся между ними в гостинной разговор.

– Она ленивая, непослушная и вспыльчивая, – произнесла моя тётка, говоря обо мне.

– Ничего страшного! – ответил отец Андрис – в этом случае следует применить кнут. Вы же знаете слова царя Соломона: «Не экономьте на исправлении ребёнка, поражая его хлыстом, ибо вы освобождаете его душу от ада.»

– Вы правы, святой отец, – ответила тётка, Анна – я вижу, что до сих пор не занималась воспитанием Лилии с достаточной строгостью. Но будьте уверены, что в будущем у вас не будет повода упрекнуть меня в этом.

Какой мерзкий и гадкий человек! Я его ненавижу. Я и так была не слишком счастлива, живя с моей тёткой, а теперь чувствую, что жизнь моя станет просто ужасной, и причиной тому будет этот скверный священник. Я раньше только развлекалась, играя кнутом с Кати и малышкой Паулой, и мысль о том, что меня могут наказать плёткой реально, на самом деле, без любовной игры, покрывала моё лицо краской стыда и портила настроение. Накануне моя тётка, садясь за стол, прямо передо мной и Мадарой, этой новой нашей служанкой, которую я ненавижу всё больше и больше, вытащила из-под своего мантила новенькую кожаную плётку:

– Я её купила для вас, барышня, – сказала она мне, – поскольку вижу, что моё доброе отношение к вам совершенно не идёт вам на пользу, и что не будучи нисколько лучше, чем другие дети, вы нуждаетесь, как и они, в некоторых жгучих средствах, которые я не откажу себе в удовольствии применить к вам. И вы почувствуете эффективность этих прекрасных кожаных ремешков, я вам это предсказываю, если будете продолжать себя вести так, как вы это делали до сих пор. Посмотрите, чулки, которые я вам поручила связать... вы их ещё до сих пор не закончили! Если вы их не довяжете до вечера, вы познакомитесь с этой плёткой, можете в этом быть уверены. Надеюсь, сейчас вам будет достаточно только посмотреть на этот инстру-

мент, дабы понять и осознать, какому наказанию вы будете подвергнуты за вашу лень и ваше непослушание.

Никогда прежде я не подвергалась такому унижению. Я не прикоснулась к обеду, несмотря на приказы и угрозы тётушки. Кроме того, я постоянно чувствовала на себе насмешливый взгляд Мадары и мне хотелось буквально провалиться сквозь землю от стыда. После обеда я, не осмеливаясь поднять глаза, принялась вязать чулки, и вязала их весь день. Когда вечером мне удалось закончить этот ставший к тому времени для меня мерзким и ужасным предмет рукоделия, и показала его моей тётке, то эта мегера лишь назидательно произнесла:

– Хорошо. В этот раз у вас всё получилось, и вы должны знать, что если вы будете вести себя подобающим образом, вам не придётся опасаться меня, и я не буду строга с вами... но это наказание непременно случится с вами... но только тогда, когда вы сами меня вынудите к этому.

Несмотря на эти слова, жуткое впечатление от её утренних угроз не рассеялось, и я чувствовала себя во власти женщины, которая может в любую минуту привести в исполнение свою угрозу наложить на меня постыдное наказание, и была этим морально уничтожена. Я спешно легла в кровать, спустив мою ночную рубашку до самых ног, как будто для того, чтобы обезопасить себя от неожиданных ударов, и съёжившись в моей постели, как маленькая девочка, попыталась заснуть.

Я буду частенько возвращаться к этим ужасным моментам моей жизни. К счастью, я виделась тогда только с моей подругой Кати, и её визиты заставляли меня немного забыть болезненные волнения, которые я пережила позавчера.

Я уже начинала понемногу забывать угрозы моей тётки и ощущать радость жизни, которую Илзе, уезжая, казалось, унесла с собой. Но моя несчастная страсть к чревоугодию меня снова погубила.

Тётушка, которая собиралась дать ужин для нескольких своих подруг, хранила для этого торжества несколько прекрасных персиков, которые она положила на шпалеры в саду, намереваясь их взять оттуда только в день торжественного события. И, как будто подозревая неладное, она мне персонально запретила даже касаться их! Я и так знала, что мне запрещено есть плоды в саду, а тут ещё такое особое предупреждение.

Но так как гулять в этом самом саду мне никто не запрещал, я могла издали наслаждаться видом этих прекрасных персиков, лежавшие на садовых шпалерах, и однажды не смогла сдержаться от внезапно... впрочем, вполне закономерно возникшего у меня неистового желания съесть один или два из них, ведь багровая бархатистая кожица делала их столь аппетитными! Я вспомнила... подумала, как часто во время ужина говорили в моём присутствии о мародёрах и ворах, мигрирующих по стране, которые воровали всё подряд, и решила, что если я съем парочку этих волшебных фруктов, то смогу свалить вину на них, и меня никто не будет подозревать. Поэтому я выбрала момент, когда тётки Анны не было в доме, чтобы стянуть пару-тройку персиков. Но только я взяла два магических плода райского дерева, как и намеревалась вначале, как руки мои не смогли удержаться и, казалось, сами по себе схватили шесть самых прекрасных персиков, что я когда-либо видела в своей жизни, и наспех бросив их в свою юбку, помчалась напрямик в отхожее место, дверь которого я предусмотрительно не забыла закрыть на деревянную щеколду. Затем, усевшись над дыркой, я стала смаковать эти плоды, которые на вкус были так же превосходны, как и на вид. Как только я съела последний персик, я услышала голос моей тётки, спускавшейся в сад. Она позвала Мадару, которая оказалась на кухне:

– Это вы взяли персики, Мадара?

– О! Что вы мадам, нет! – возмущённым голосом воскликнула Мадара.

Я испугалась и задрожала всеми моими членами, внезапно осознав, что будущее не сулит мне ничего хорошего, и решила не выходить из отхожего места, прежде чем тётя Анна оставит сад, и так как меня, наверное от страха, охватила настойчивая потребность облегчиться, я тут же воспользовалась местом своего пребывания по его прямому назначению. Я подняла мои юбки и облегчила себя. Едва я закончила этот процесс, как услышала, как моя тётя спрашивает у Мадары, где я нахожусь.

– Мамзель... она в отхожем месте, – ответила девушка.

Тотчас же тётушка истошным голосом стала звать меня.

Я была напугана до смерти... и, опустив юбки, быстро вышла наружу и принялась бежать в поисках моей тётки, которая, заметив меня, воскликнула:

– Так это вы, барышня, украли эти персики?

Несмотря на мой страх, я сделала невинное лицо и ответила ей без малейшего колебания:

– Нет, моя тётя, их украла Мадара, я видела...

Столько уверенности с моей стороны ввели тётушку Анну в заблуждение, и она приказала подойти к ней Мадаре:

– Вы слышите, – сказал она ей, – вас обвиняют в воровстве!

– Она лжёт! – зло произнесла девушка, – я собственными глазами видела, как мамзель Лилия взяла персики, положила их в свой карман и убежала в отхожее место, чтобы съесть их там... И пожалуйста, – добавила она, – если хотите, тому есть доказательство!

С этими словами она сняла с меня косточку от персика, которая зацепилась в складках моего платья. Я не могла больше отрицать содеянного и не знала, куда мне деться от страха. В моей голове мысленно уже пронеслась ужасная сцена, которая сейчас произойдёт. И действительно, моя тётя, после немой паузы удивления, взорвалась потоком брани:

– Ах! Маленькая мерзавка, значит, таким образом, вы к своему непослушанию присоединили ещё воровство и клевету! Но вам придётся искупить свою вину, я вам это обещаю. Для начала, встаньте на колени перед Мадарой и извинитесь за вашу отвратительную ложь.

Всё моё естество восстало против унижения, которое мне было навязано этой страшной женщиной и её новым духовником. Становиться на колени перед прислугой – это было выше моих сил, и я осталась стоять, но тётушка схватила меня одной рукой за ухо, а другой стала давить со всей силы на мои плечи, вынудив стать на колени.

– Не правда ли, вы желаете извиниться? – кричала она. Но так как я оставалась нема, как рыба, моя тётя незамедлительно отвесила мне звонкую пощёчину, и я разрыдалась.

– Ведь вы хотите извиниться? – продолжила она, давая мне вторую звонкую пощёчину.

Внезапно для себя я придушенным голосом произнесла:

– Простите!

– Ну вот, уже лучше, – промолвила моя тётя, – но следует попросить прощения у нашей дорогой Мадары.

Я колебалась, и тут же получила третью пощёчину и одновременно сильный пинок в зад, от которого у меня вырвался крик боли.

Наконец, под угрозой новых ударов, я вырвалась из рук моей мучительницы и отскочила в сторону, желая лишь одного – убежать прочь.

– Пожалуйста, подойди ко мне! – грозно произнесла в это время тётя Анна.

Я стала двигаться в её сторону, но видя, что она берет в руки плётку и не сомневаясь в том, что она намеревается с ней делать, я бросилась бежать в направлении решетчатых ворот, которые выходят на улицу. Рассвирепевшая тётка бросилась вдогонку за мной и настигнув меня, схватила рукой за платье, когда мне уже казалось, что я спаслась от её гнева.

– Ах! Вы полагаете, что всё закончилось для вас благополучно, несчастная маленькая воришка! Вы глубоко ошибаетесь. Слишком давно ваша попа не пробовала прутьев! На этот

раз, по крайней мере, у неё не будет причин жаловаться, что её обделили вниманием, и она получит свою порцию наслаждения.

И так как Мадара хотела уйти, моя тётя продолжила:

– Останьтесь, Мадара, нужно, чтобы вы поприсутствовали при процессе исправления этой дрянной девчонки. Ах! Итак, вы, моя милочка, хотели убежать! Чтобы вам не удалось этого сделать, вы познакомитесь с вашей персональной плёткой, которую я приобрела специально для вас, прямо здесь, в саду, перед вашей служанкой, на глазах у всех этих простолюдинов, которые проходят по дороге мимо нашего дома, и смогут увидеть, как вы исправляетесь от вашего наиболее сильного стыда в жизни. Итак! На колени, мерзкая воришка и лгунья!

Уже второй раз за короткое время я была вынуждена становиться на колени на щебень, пронзавший насквозь кожу моих ног. Также мне следовало опустить голову до земли, и так как я отчаянно не желала оставаться в этом положении, Мадаре было приказано держать меня за руки и давать мне увесистую пощёчину всякий раз, когда я буду делать попытки подняться. Эта угроза для меня была наиболее ужасна и унижительна: получить пощёчину грязными руками неотёсанной крестьянки-служанки! От такой возможности мои щёки стали ещё более пунцовыми, чем раньше.

Между тем, тётушка в это время поместилась выше меня, и зажав своими ногами моё тело, согнувшись надо мной сзади и задрала вверх моё платье и юбку своей проворной рукой, а затем уже смогла поднять и мою нижнюю рубашку. И тут её глазам предстала малоприятная картина, ведь перед этим я столь внезапно вышла из отхожего места, услышав тёткины крики, что не потрудились подтереть свою попку, в которой ещё оставались кусочки кала, так что пинок, который меня недавно наградила тётя Анна лишь углубил ткань моей рубашки внутрь между моими ягодицами и измазал её моими какашками, приклеив к промежности задика. Увидев это, моя родственница ещё более взбесилась.

– Гадкая, мерзкая, отвратительная грязнуля, – закричала она, – я вас научу, в каком виде надлежит являться передо мной. Посмотрите все на этот ужас!

Но эта грязь не помешала ей отклеить мою рубашку от тела и обнажить его сзади. О, Боже, какой удар она нанесла мне для начала, я даже не поняла, что случилось, у меня едва случилось времени, чтобы его почувствовать, поскольку я тут же получила следом второй, а затем и третий, и так непрерывно приблизительно двадцать ударов. Я при этом постоянно выпускала душераздирающие крики и не могла даже дёрнуться, поскольку мои руки и плечи держала Мадара, а живот перехватила своими железными ногами тётушка, так что мои ягодицы болтались в воздухе, полностью открытые для всеобщего обозрения, и непроизвольно дёргались, испытывая такое ужасное бичевание. Я спрашивала себя, как я могла несколько дней тому назад развлекаться подобным же образом и испытывать тогда удовольствие от этого процесса, ведь сейчас я лишь могла кричать от боли и извиваться, стараясь освободиться от рук моих палачей. Мне даже удалось немного изменить положение моего тела, однако без всякой выгоды для себя. Удары, которые падали на мою левую ягодицу, стали теперь достигать и правой... и даже промежности, так что это всё, что я выиграла от своих телодвижений. В конце концов, моя тётя столь тесно зажала меня своими толстыми ножищами, настоль сильно, что я совсем не могла пошевелиться, и единственные движения, которые мне было позволено совершать, так это открывать или закрывать мой бедный зад, отодвигать или приближать бедра к моим мучителям. Стыд, к которому я вначале была столь чувствительна, исчезал на глазах перед страданием, которое выпало на мою долю, и меня охватила такое безразличие к любой форме самолюбия, что не сдержалась и выпустила прямо в нос моей тётки пару мощных струй кишечных газов. В этот момент я могла видеть только лицо Мадары, которая не смогла сдержаться и расхохоталась от звука происходящего, от мелодичного звучания этих выхлопов. Положение, в котором я была вынуждена пребывать, раздвинув ноги и промежность, из которой ветерок понуро выдувал мои газы, которые я просто физически не могла сдержать, так как тётушка

с силой сжимала мой живот, не позволял мне прекратить это газоизвержение. Однако тётка была крайне возмущена такой ситуацией.

– Вонючая мусорка, – воскликнула моя родственница, – ты слишком много ешь, нельзя же доводить себя до такого состояния!

И раздвинув мои ягодицы, она стала яростно хлестать моё тело, в виноватом, с её точки зрения, месте, но произвольно задевая при этом внутренние стеночки моей нескромной дырочки. Я взывала от боли, произвольно извиваясь, словно угорь на сковородке, ведь выдерживать удары плёткой в этой чувствительной части моих ягодиц было совершенно невозможно обыкновенному человеку. Кровь текла потоком, плётка была разлохмачена, и, наконец, моя тётя утомилась от экзекуции и закончила процесс моего исправления, но, прежде чем позволить мне уйти, она приказала принести ей пиалу, заполненную уксусом, и вытерла смоченной в ней тряпочкой мой искрошенный кожанной плёткой задик, и тут я почувствовала ужасное жжение, мой круп в этот момент внезапно произвольно дёрнулся, настолько сильно, что пиала с уксусом выпала из рук тётки, и я смогла вскочить и убежать прочь под раскаты гогота толпы деревенских жителей, пришедших к ограде сада, чтобы поприсутствовать на спектакле моего наказания и исправления, а заодно и развлечься. Я скрылась в моей комнате, забежав в которую сразу бросилась плашмя животом на мою постель и заплакала. Сидеть я не могла, потому что это положение тела причиняло мне сильную боль. Однако, несмотря на мои страдания, красные от слёз глаза, и то, что я была осуждена тётушкой на хлеб и воду на целую неделю, я была обязана присутствовать на ужине. Тётя Анна позаботилась о том, чтобы в деталях рассказать всем своим гостям, как я была наказана плетью, и мне было стыдно видеть все эти насмешливые взгляды, устремлённые на меня, и это меня мучило почти так же, как наказание, полученное днём. Чтобы увеличить степень моего унижения, в конце ужина тётушка, почувствовав вдруг донёсшееся до неё зловоние и подумав, что это я не поменяла рубашку и не вымыла свой зад, вдруг задрала вверх мою юбку прямо перед всеми её гостями, чтобы они смогли увидеть, таким образом, мой задик, багровый и исполосованный плетью.

– У неё прекрасные ягодицы, – стали говорить все вокруг меня. Других слов утешения я не услышала.

Утром следующего дня, когда я ещё не отошла от порки кнутом, который накануне мне учинила моя тётя, и лежала в постели, она пришла опять с плёткой в руке, и заявив, что в это время я уже должна была подняться и заниматься полезным для домашнего хозяйства трудом, заставила меня лечь на живот, задрала вверх мою ночную рубашку и затем, не думая о моем бедном, страдающем от предыдущих побоев задике, нанесла мне семь или восемь ударов плёткой, которые основательно усилили мои мучения.

– Так как у вас в вашей в голове нет никаких правильных мыслей, нужно, чтобы они у вас появились хотя бы в вашей заднице, – воскликнула эта истязательница. – Ваши исхлётанные ягодицы непременно напомнят вам о вашем долге.

Я встала, едва сдерживаясь, чтобы не закричать, будучи буквально уничтоженной её словами и не осмеливаясь поднять на неё ни глаза, ни голову, опасаясь, что тётя заметит, что я плакала.

– Ах! – Говорила я про себя, – если бы моя мама была здесь!

Сегодня к нам приходила Кати, но я ей ничего не рассказала о том, что со мной произошло, ведь мне было так стыдно. И хотя она заметила мои красные заплаканные глаза, подруга всё равно столь мало подозревала о том, что со мной произошло в действительности, что попросила меня сыграть с ней в нашу любимую игру в школьную учительницу. Естественно, я отклонила это предложение, ведь я не могла больше развлекаться таким образом, потому что мне приходилось опасаться, как бы это моё увлечение не было раскрыто, что непременно повлекло бы за собой экзекуцию плёткой. Но поскольку Кати была удивлена моим крайне стеснительным выражением лица и неожиданным для неё отказом, она потребовала, чтобы Мадара,

которая в этот момент зашла в комнату, рассказала ей о причине моего такого состояния. Мадера, и это меня страшно взбесило, принялась смеяться над моим несчастьем, и рассказала ей о казусе с персиками.

– Так, значит, твоя тётя сделала шлеп-шлеп твоей поп-поп, – весело воскликнула Кати. – Давайте посмотрим, какой порядок она навела в ягодницах малышки Лилии.

И, прежде, чем я успела ей в этом помешать, Кати уже сидела на коленях за мной и поднимала вверх мои юбки, смотря на моё тело. Тотчас же, увидев следы ударов плётки, она поднялась и нежно обняла меня.

– Моя бедняжка! – Прошептала мне нежно на ушко Кати.

Я её поцеловала в ответ, и вот какой разговор у нас тогда состоялся:

– А тебя никогда раньше не хлестали плёткой?

– Никогда, – ответила Кати.

– Ах! Как тебе повезло, ты счастливый человек... Но, возможно, что однажды и тебе придётся испытать такое.

– Я не верю, что такое может случиться со мной, моя мать не любит бить по попе, она мне об этом говорила ещё буквально вчера.

– Но моя тётя меня тоже никогда раньше не хлестала меня плёткой до прошлой недели.

– О! Неужели?

– Это – правда!

– Что касается меня, то я не допустила бы, чтобы меня отхлестали плёткой, я кусалась бы, пинаясь ногами, мочилась, отпустила бы даже парочку газовых струй, и даже больше того, я...

В этот момент я посмотрела на Кати. Я её очень люблю, но она столь тщеславна и наивна, что мне захотелось в это мгновение, чтобы её отхлестали так же, как меня, да...! И тогда я посмотрела бы на выражение её лица, и это меня, несомненно, развлекло бы.

Глава V. Случайный конфликт Кати с любовником её матери меняет нашу судьбу

Сегодня я была у Кати, и мы с ней играли в салоне её дома в домино, на софе, перед маленьким столом. Вскоре в комнату вошла мать Кати и молодой мужчина, одетый в одежду голубых княжеских цветов, в белых шёлковых чулках и кружевном платке на шее. Они присели у стола, не заметив нас, а Кати, задумавшаяся над комбинацией в домино, даже не подозревала об их появлении. Высокая спинка софы скрывала нас от их взгляда, и так как они сидели спиной к нам, я могла чуть высунуться из-за софы и посмотреть на эту парочку, не рискуя быть замеченной. Они, впрочем, казалось, были заняты только друг другом, хотя и не разговаривали. Мужчина находился очень близко около мадам Кетлер и, я полагаю, что они целовали друг друга в губы, как мы иногда делаем это с Кати. Я даже смогла увидеть, как мадам Кетлер поместила свой язык в рот своего кавалера, а затем стала трогать рукой его штаны, которые вдруг сильно надулись у него между ног. Неожиданно мадам Кетлер вдруг принялась смеяться, в то время как, в свою очередь, молодой человек продвинул свою руку между её бёдер. Я наблюдала эту сцену с бьющимся сердцем, и не могла даже предположить, что они могут делать тоже самое, что я сама делала с Кати. Между тем, чем дальше продвигалась рука молодого человека, тем всё больше мадам Кетлер поднимала глаза к небу и вздыхала всё громче. Внезапно я увидела, как мать Кати протянула свою руку вниз живота молодого человека, как она её погрузила в щель в его панталонах, которая должно быть там весьма кстати оказалась, неистово забралась в неё и стала с какой-то яростью трясти что-то, что я не могла распознать. Но в этот момент Кати сдвинула стол, чтобы поднять упавшую фишку домино, которую она только что уронила, и закричала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.